

ПОПОВ Н. П. — в ПОМПОЛИТ

ПОПОВ Николай Петрович, родился в 1900-х. Получил высшее образование. Проживал в Ленинграде, писатель; член Союза писателей; печатался в журналах "Звезда" и "Литературный современник", в Детском отделе Ленотгиза. Член горкома Союза писателей, член секции писателей-краеведов. 25 февраля 1933 — арестован, приговорен к 10 годам ссылки в Сибирь и в апреле отправлен в село Александровка Александровского района Нарымского округа¹. В сентябре 1933 — обратился за помощью в Помполит.

<20 сентября 1933>

«Председателю О<бщест>ва помощи ссыльным

от ленинградского
писателя Попова Н. П.

Заявление

В ночь с 25 на 26 Февраля 1933 г<ода> я был арестован ленинградским ОГПУ. Основанием для ареста является по утверждению следственных органов организация мной нелегального кружка, распространяющего фашистские идеи. На заключительном допросе я показал, что "считаю материалы следствия несостоятельными. Никаких нелегальных литературно-политических кружков я не организовывал. Я стою на платформе советской власти и приветствую мероприятия партии и правительства".

Зимой 1932-33 г<ода> я действительно бывал в обществе литераторов, более или менее часто собирающихся друг у друга. Встречи эти не выходили из рамок обычного хождения в гости и бесед за стаканом чая. Никакого "кружка" не существовало, наши встречи никак законспирированы не были, о них знали многие ленинградские писатели. Никаких антисоветских разговоров между нами не велось; присутствующие авторы читали иногда свои вещи, предназначенные для советских журналов. Почти все прочитанные вещи впоследствии были приняты и напечатаны в "Звезде", в "Литературном современном", в изданиях Лен<инградского> от<дела> г<осударственного> из<дательств>а (Далецкого, Полтавского, моя работа).

На следствии мне не предъявлено было ни одного конкретного обвинения, читались только показания Воскресенского и Замбжицкого (тоже бывавших среди нас и тоже одновременно со мной арестованных), которые признавались в своих антисоветских настроениях. Впоследствии, направляясь вместе с ними в ссылку, я узнал от них, что они в значительной степени фантазировали свои показания с расчетом на то, что "покаяние", "раскаяние" облегчит нашу судьбу. Их показания были "шахматным ходом", кроме того, Воскресенский говорил мне, что при допросе он испытывал на себе сильное давление вплоть до угрозы применения высшей меры социальной защиты. Я лично на себе никакого давления не чувствовал, "шахматных ходов" не делал и ни в чем не каялся.

Мне вменялась также в вину моя систематически реакционная деятельность. На мой удивленный вопрос, в чем она выражалась, я ответа не получил. Я просил ознакомиться с моими довольно многочисленными напечатанными и ненапечатанными работами, а также с моими дневниками, черновиками и т<ак> д<алее>. В моей просьбе было отказано

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 1273. С. 25-28; Д. 1446. С. 130, 175.

за ее "несущественностью". Не был запрошен обо мне ни ленинградский Гор<одской> ком<итет> писателей, ни Оргкомитет Союза Советских писателей. Попытка на Гор<одском> ком<итет>е писателей дать сведения обо мне была отклонена следственными органами.

Между тем моя активная работа в литературных организациях (секция писателей краеведов при Оргкомитете Союза Советских писателей), мое деятельное участие в жизни Гор<одского> ком<итет>а Писателей и его отдельных секторов обрисовывает меня в глазах писательского актива с совершенно определенной точки зрения, при которой арест кажется непонятным и странным.

19 апреля я был выпущен из Дома Предварительного Заключение с обязательством выехать из Ленинграда не позже 27 апреля на высылку в Западную Сибирь. За время с 19 по 22 апреля я виделся и говорил почти со всеми ленинградскими писателями. Все произошедшее со мной вызывало единодушное удивление и непонимание. Особенно подробно я говорил с Б. А. Лаврениевым как с председателем Гор<одского> ком<итет>а, с Н. Р. Тихоновым — как с председателем секции краеведения, с Р. А. Семеновым, как с писателем-коммунистом. Все трое советовали мне обратиться с письмом к Алексею Максимовичу, как единственному человеку, который мог бы добиться пересмотра моего дела. Я долго думал, писать ли мне или не писать Алексею Максимовичу и решил написать Вам, если Вы найдете нужным, Вы передайте это "письмо-заявление" Алексею Максимовичу. Одновременно с заявлением к Вам я написал подробные заявления ленинградскому прокурору за органами ОГПУ и в бюро жалоб при Верховном Суде СССР. В этих заявлениях я, между прочим, просил допросить обо мне К. А. Федина — как первого председателя секции краеведения, Н. Р. Тихонова — ее второго председателя, сменившего Федина, М.А. Фримана — как бывшего оргсекретаря Федерации Писателей, знающего меня со стороны общественной работы, П. Ф. Громова и Б. А. Лаврениева, как председателей Гор<одского> ком<итета>а Писателей, Д.М. Цензора, как заведующего культмассовым сектором Гор<одского> ком<итет>а. Я просил также допросить редакторов Детского Отдела Ленотгиза и редакторов "Звезды", близко знакомых с моими литературными работами.

Я написал также большое письмо Лидии Николаевне Сейфулиной, б<ыть> м<ожет>, Вы найдете возможным запросить обо мне ее. Кроме Сейфулиной из московских писателей у меня были более или менее частые встречи с Л. М. Леоновым, А. С. Новиковым-Прибоем, с А. С. Яковлевым, В. М. Генбер, а также с венгерским писателем Э. Мадарасом, с Дубровиным, литературным теоретиком проф<ессором> Нусиновым. С тремя последними лицами я жил в прошлом году в Милеевке. Мы вели многочисленные разговоры на литературные и общественные темы, я им читал свои произведения. Если они будут допрошены по моему делу, вряд ли они выразят что-нибудь, кроме крайнего удивления подобно ленинградским писателям, по поводу обвинения, предъявленного мне ленинградским ОГПУ.

К числу моих наиболее близких литературных друзей в Ленинграде относятся такие писатели как Ю. П. Герман, Н. П. Вагнер, П. Л. Далецкий — все трое хорошо известны Алексею Максимовичу, писатели, о которых вряд ли можно говорить как о фашистах или реакционерах.

Мне дано 10 лет ссылки в Нарым. В настоящее время я нахожусь в самом северном и самом суровом из округов Нарыма — в Александровском районе. Как административно ссыльный я не допускаюсь до преподавательской работы, не берут меня также на работу и большинство других советских учреждений. Я живу исключительно физической работой — пилкой, колкой дров и почти лишен физической

возможности продолжать мои литературные работы, начатые еще в Ленинграде и авансированные по договорам (до ареста) Ленотгизом.

Я прошу Вашей помощи в моих усилиях добиться пересмотра моего дела. Что мне делать и кому писать? Быть может, Вы сами найдете возможным, предпринять некоторые шаги или познакомите с моим делом Алексея Максимовича? Я хотел бы добиться полной реабилитации и права возвращения в Ленинград. Если это в ближайшее время неосуществимо, я просил бы о возможности улучшения моей судьбы.

Сообщаю Вам, что арестован я Ленинградским ОГПУ в Ленинграде, мое дело № 2018-33.

В настоящее время я нахожусь на учете Александровского рай<онного> аппарата ОГПУ, живу в с<еле> Александрово Александровского района Нарымского округа. Мой почтовый адрес:

Зап<адно>-Сиб<ирский> Край. Нарымский округ. Нижне-Лумнокольское почтово-телеграфное отделение. До востребования. Н. П. Попову.

Очень прошу Вас ответить.

Н. Попов.

20 сентября 1933 г<ода>»².

*В 1936 — о смягчении участи Николая Петровича Попова вновь просили помощи Помполита*³.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1046. С. 3-7. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1515. С. 127-128.